

Валентина БАСОВА

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Телефонный звонок поднял меня из постели. В трубке громко кричала и плакала Зинаида. Из беспорядочно-отрывистых фраз я поняла, что в деревне сгорел дом, и мать в тяжёлом состоянии в больнице. Мне она позвонила первой, в надежде сразу услышать от меня готовое решение. Но от такой новости я растерялась и молчала. Зинаида снова заплакала. Я лихорадочно искала слова утешения, хотя в такой ситуации какие слова могут помочь?

— Зиночка, ты только сильно не убивайся, дом поставить поможем, а вот матери помощь нужна сейчас. Я что смогу, сделаю.

Я положила трубку. Час ночи... Сейчас куда-то звонить нет смысла, ночью такие дела не решаются. Уснуть я уже не смогла, с вечера осталась недописанная передовица в газету, попробовала поработать, но в голову ничего не лезло, пришлось отложить до утра. Так до рассвета и прослонялась по квартире, как неприкаянная. Нужно сегодня упросить редактора немедленно направить меня в командировку в Шумячи. Давно собиралась дать очерк о семейном экипаже комбайнёров Золотарёвых. Откладывала поездку со дня на день, а тут такой случай, заодно и Зинаиде постараюсь помочь, надо на месте посмотреть, что да как. Вот так всегда — в трудную минуту падёт духом человек, замрёт от горя, но достаточно совсем мелочи, чтоб ожить его душа и стала вновь деятельной.

Худ. К. Попов. "На околице".

Редактора уговаривать не пришлось, и я с фотокорреспондентом Мишей Волковым и плачущей Зинаидой выехала в Шумячи. Проезжая небольшую, уже потерявшую весеннюю воду речушку, увидели густые заросли отцветающей черёмухи. Потянуло в лес. В который раз с сожалением подумалось о том, как много теряет горожанин вдаль от такого неповторимого чуда — чуда природы, её первозданной красоты и мудрости. В городе человек черствеет душой, замыкается в четырёх стенах и, порой, не знает, кто живёт рядом на лестничной клетке. В деревне люди добрее, мудрее и не зависят от превратностей цивилизации.

Размышляя, не заметила, как доехали. Запахло гарью. Глазам представилась страшная картина разрушения: от голубого весёленького домика ничего не осталось. Всюду валялась посуда и мебель, битое стекло и мокрая одежда. Яблони, росшие под самыми окнами, обгорели, огород был залит водой и вытоптан. Прекрасные розы и георгины — гордость хозяйки и радость — сломаны и уничтожены огнём. Отец Зинаиды — Иван Никанорович — сидел за домом на потухшей голубёшке. Увидев нас, не запешил навстречу, как бывало, безучастно продолжал сидеть в той же позе, в какой мы его застали, лишь глазами повёл в сторону пожара, и в этом движении почувствовалось большое горе старого человека. Зинаида бросилась к отцу, они обнялись и расплакались.

— Доченька, мама сильно обгорела! Умирает!.. Я увела старика к соседям, где мы его умыли и накормили. На месте прежнего секретаря комсомольской организации колхоза сидел незнакомый парень, назвавшийся Женей. О пожаре он знал и даже помогал тушить, и мы с ним быстро нашли общий язык по организации нескольких субботников в помощь погорельцам. И хотя время было летнее, горячее, каждая пара рук на учёте, но Женя заверил, что помогут. Поздно вечером пришли двое рослых парней, натянули провод и поставили два прожектора.

— Ночами будем работать! — сказал один из них. — Днём все в поле.

Рассказ

В тот же вечер пришли комсомольцы во главе со своим секретарём, из города по моему звонку приехали и наши с Зиной друзья. И закипела работа. До полуночи растаскивали остатки дома, обгоревшие брёвна сложили в одну кучу, доски в другую — пригодятся. Разобрали печь, расчистили всю площадку от мусора и ненужных вещей. Устали до чертиков, но работу сделали большую и остались довольны собой. Назавтра мы с Зиной поехали в районную больницу к матери, но к ней нас не пустили, так как она была сильно плохо и без сознания. Поговорив с врачом и записав список необходимых лекарств, мы уехали в город. Через две недели мне в редакцию позвонил Женя и радостно сообщил, что привезли блоки для нового дома, и снова нужна наша помощь. В субботу, освободившись пораньше, я снова поехала в Шумячи. Дом ставили быстро. Иван Никанорович повеселел.

Он, правда не верил, что мы до холодов сумеем поставить новый дом, но что будет к зиме иметь крышу над головой, был убеждён. Но больше всего радовало всех улучшение состояния здоровья Агафьи Антоновны. Она пришла в себя, и понемногу раны заживались, она уже вставала и ходила по палате. А через месяц, ещё в бинтах, пришла из больницы. Увидев стены нового дома, разволновалась и расплакалась. Глядя на неё, разволновались и мы. Я увидела, как посерьёзтели ребята, подтянулись, почувствовали себя ответственными за судьбу стариков, хотя эту ответственность они взяли на себя сами и никто бы их не упрекнул, если б они в какой-то миг отказались помогать, ну, сделали, что смогли, и за это спасибо. Но взвалив на свои плечи тяжёлый груз ответственности уже никто не смог бросить дело на середине. Не было уже скептика Анатолия, ставившего под сомнение даже любовь, исчезла куда-то грубоватость Виктора, решительным стал мягкий по натуре Олег. Раньше мы часто собирались у кого-нибудь на чашечку кофе, вели длинные скучные разговоры, что-то друг другу доказывали, ссорились было много, но как-то каждый сам по себе. Сейчас передо мной стояли простые ребята, грязные, уставшие, но это были настоящие парни, способные на хорошие, добрые дела. И шутили они, и смеялись от души. И работали на совесть. Познав радость настоящего труда, не за зарплату, они поняли, что способны на большое дело, ради другого человека.

За лето дом был построен и отделан, среди парней нашлись и маляры, и штукатуры. Наконец, наступил торжественный момент, когда Виктор едва приметно заикаясь от волнения, распахнул дверь и пригласил хозяев в дом. Агафья Антоновна протестующе замахала руками.

— Нет-нет! Строители — первые гости. Но всех опередил соседский мальчишка, незаметно прокрававшийся к двери. Протиснувшись между взрослыми, он юркнул в коридор и пустил через порог котёнка, который от страха жалобно замыкал. Все засмеялись и, толкая друг друга, протиснулись в ещё пустой дом. По размерам он был не больше старого, но потолок поднялся выше, окна шире, и весь он получился уютный, красивый и очень родной. Мы откровенно любовались своим детищем. Сколько сил и умения в него вложено! Сколько ему отдано свободного времени — выходных и отпусков! И вот он стоит, и будет стоять, независимо от того, какая судьба ожидает его строителей. Я с волнением смотрела на тех, с кем ещё недавно работала и видела: дом построен не только на земле, но мы возродились сами, дом построен у нас в душе, и это навсегда. Я была уверена — такие люди не случаются, не подведут и не предадут.

Елена АКШЕВСКАЯ

КОЛОКОЛЬНАЯ РУСЬ

Колокола родной земли — Святая звонница России. Вы чудеса вершить могли, В дни скорби вы давали силы. Ваш звон живет у нас в сердцах, Не заглушат его столетья, Он жил и в дедах, и отцах В дни радости и лихолетья. Святая вера россиян! Ты подарила миру чудо. Иконы, церкви, купола — В земле Руси они повсюду. И благодатью тех веков Здесь дышит каждое творенье, А «Троицу» Андрей Рублев Писал с божественным знаменем. Суровый лик на полотне Так строг, что смотришь не дыша, Как в вековой глубине Пылает русская душа.

Игорь АНИСИМОВ

На плечах моих погоны, Автомат в моих руках, В обстановке напряженной, Службу мы несем в горах.

Была нужная работа, Были верные друзья, Я смотрю на это фото, Это молодость моя!

Ольга БУЛАНОВА

УТЕШЕНИЕ

Не кори себя, любимый, В том, что рано ты ушел, Что за гранью той незримой Ты приют себе нашел.

Не печалься, что одни мы, Твой родной сынок и я, Образ твой всегда хранимый, Как икона для меня.

Смерть с тобой нас ралучила, Утешенья близок час, И Божественная сила, Сблизит вновь навеки нас.

Владимир ВИНОГРАДСКИЙ

В начале было Слово И азбука Христова, Потом из букв, слогов Сложилась цепь веков. Кто знал, а кто не ведал За солнцем или снегом, Чтоб вечно мир был новым, Сказал Учитель Слово.

"Утро в лесу". Фотозтиюд А. Кудрявцева.

Надежда КОЖЕВНИКОВА

Я ДАВНО ПОНЯЛА
Я давно поняла — надо жить так, как все — Не просить, не хотеть, не соваться. По протоптанной стадом плестись полосе И со всеми во всем соглашаться.

А кто хочет иначе — он сам себе враг. Те, кто пробовал, думаю, знают — Если ниже ступенькой — ты круглый дурак, Заключают, заплюют, забодают. И так было всегда, и так будет всегда, Замолчи, не смотри и не слушай... Но зачем же тогда Бог нам каждому дал Голос, зрение, разум и уши?

Владимир КУХАРИШИН

ЛЮБОВЬ К ПРОШЛОМУ

Проносится века, проходят годы, Стираются их острые углы, И жизнь приносит новые невзгоды, Заботы и гордые узлы. Что миновало — больше не опасно. Что пережито, то уж позади. И кажется ушедшее прекрасным, И забываешь грозы и дожди. И хочется, чтоб всё вернулось снова, Ведь раньше было лучше во сто крат, Ведь нынешнее время так сурово, А будущее — вовсе сущий ад. Но, как и прежде, движется планета, И ты опять тоскуешь о былом, И то, что представлялось крахом света, Уж мнится благоденствия венцом.

Алексей КРАЕВОЙ

БЕДА

Она нагрянула жестоко и нежданно, И черной тенью на душу легла Не новостью газетной или экранной, А вот она живая, как змея. Беда — проверка каждого на прочность: Один раскис — и свет уже не мил. Другой — пружина, красота и точность — Чуть-чуть поддавшись, плечи распрямил!

Худ. Е. Целобанова. "Натюрморт".

Любовь ЛАБУТИНА

Неразбериха за окном — То снег, то дождь, несутся тучи. Давай отбросим на потом Дела и помечтаем лучше.

Кому поплакаться в жилетку? Кто бы помог преодолеть И вырваться из тесной клеточки Мирских забот... и улететь.

Куда? К кому? А может, просто — Стать птицей счастья для людей. Пропал мираж, и замер космос. Покоя нет в душе моей...

Мария МУХИНА

Ты так уверен в моей лжи. Что я сама себе не верю... Мне незачем менять потерю На новой жизни виражи... Взгляни: у времени в руке Ни сожаленья нет, ни боли. Ты так уверен в моей роли, Как в отзвук эхо вдалеке... Нам незачем все дни под нож Бросать на жертвенник сомнений. Увы, не стоит сожалений Моя несбывшаяся ложь...

Галина ОРЕХОВА

СЛУХИ, СЛУХИ...
Слухи, слухи, кривотолки Злые, злые, словно волки Люди, как же в одной «стае» «Грызть» друг друга? — я не знаю. Судят, судят всех подряд, — Ничего, что невпопад, Ничего, что правды мало, — Лишь бы на язык попало! Можно, можно позлословить, Если позволят совесть Можно, можно осудить, Разве пыл вам охладить? Не взирая ни на что Судят всех, «а судьбы кто?».

Татьяна ПОЖИЛЕНКОВА

Порвется там, где тонко, Где мочи нет терпеть. Не обижай ребенка — Ему еще взростеть.

Ему еще пытаться Держаться на плаву, За место в жизни драться Учиться самому.

Не обижай ребенка — Обиды впереди. И рвется то, что в детстве Ты не успел спасти.

Татьяна САВЕЛЬЕВА

Наклоню осторожно вербу я. И скажу ей на ушко тихо: Ничего, ничего не требую, Лишь бы только не было лиха. Лишь бы были здоровы детки, Лишь бы птицы не бились в клетке.

Татьяна САМУСЕНКО

ЧИТАЯ СТИХИ

Дней февраля монотонны шаги. Вид из окна черно-белый изучен, Не удивит. Только эти стихи — Новым богатством, как россыпи с кручи.

Здесь, у подножья громады стихов, в строчках чего я ищу: клада, знака? Я открываю себе вновь и вновь Лиру Ахматовой и Пастернака.

Томик закрою, но я еще там: В веке серебряном струн поэтических. Я воздвигаю в душе своей храм Из тех стихов: грустных, жизненных, личных...

Людмила СТАРОДУБЕЦ

ПОДСОЛНУХ

Привезу кусочек солнца, В палисадник посажу. Поливать я буду чудо — Никому не покажу.

Сама буду любоваться, Сама буду поливать, Сама буду улыбаться И не буду унывать.

Расцветет подсолнух-крошка, Одарит меня теплом. Я люблюсь из окошка... Позову потом весь дом.

Любовь ФЁДОРОВА

Я поэтом себя не считаю. Есть потребность излиться душой, Поделиться о чем я мечтаю. Лист бумаги — он друг мой большой.

Я поплачусь ему в своих бедах, Расскажу как мне хочется жить. Что не знала я в жизни победы, Но о ней я не буду тужить.

Надежда ЩИПАКИНА

Поверьями дышат родимые грустные доли, Гудят над землею в набат голубые ветра, И черные тучи, как полчища диких монголов, В каком-то шаманстве, безумно и дико веселом, Над милой отчизной колдуют и пляшут с утра. Но чистым порывом, как радостью тихую вея, Теплом и надеждой легко окрыляя своею, Трепещет огонь одинокого в поле костра.